

Глава 8

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В 20—40-х гг. XVIII ВЕКА

§ 1. Состояние сельского хозяйства

В ходе исторического процесса, как уже говорилось, развивается так называемое общественное разделение труда. В силу этого происходит постепенная специализация по видам производства, а взаимосвязь между специализированными производствами осуществляется через рынок. В области сельского хозяйства эти процессы специализации происходят крайне медленно и гораздо позже, чем в промышленности. Тем не менее, в XVIII столетии крестьянское хозяйство постепенно перестает быть замкнутым, обеспечивающим само себя абсолютно всем. Крестьяне покупают теперь, вместо того, чтобы делать самим, и орудия своего труда (телеги, сани, бочки, сохи, косы, топоры и т.п.), и некоторые предметы домашнего обихода. Переход государства на сбор денежных, а не натуральных налогов усиливает нужду крестьянина в деньгах. Для уплаты налогов государству и для уплаты денежного оброка своему господину крестьянин вывозит теперь на рынок продукты своего труда. Таким образом, крестьянское хозяйство втягивается в систему товарно-денежных отношений.

Этот процесс вовлечения крестьянства в сферу товарно-денежного хозяйства был постепенным и длительность его измеряется веками. Здесь не могло быть быстрых переходов и крутых скачков. В описываемое нами время развитие товарно-денежных отношений по-прежнему, как и в XVII в., находилось где-то в пределах своей начальной стадии. Основа хозяйства крестьянина все еще оставалась натуральной.

Губительные последствия краткого рабочего сезона. Одна из причин такого положения, как уже указывалось, сводилась к неблагоприятным природно-климатическим условиям — преобладанию почв с низким и даже ничтожным плодородием и очень короткому рабочему сезону в земледелии. Это лишало крестьян возможности тщательно обрабатывать землю. А ведь только многократная вспашка и боронование существенно повышали урожай даже без внесения удобрений. Больше того, краткий рабочий сезон в России позволял обрабатывать лишь небольшие наделы пашни. Наконец, почти во всех районах страны зерновые культуры не развивались до полной зрелости, что заставляло держать сжатый хлеб на полях, подсушивая колосья, а потом еще обрабатывать их горячим дымом овинов, добиваясь полного созревания зерен ржи, овса, ячменя, пшеницы и т.д.

Типичным примером низкой эффективности хозяйствования в таких условиях может служить структура сводного зернового бюджета 232 крестьянских хозяйств из вотчин Кирилло-Белозерского монастыря за 1730 год, т.е. того района, где плодородие почв является наиболее высоким во всем Нечерноземье. Здесь среднестатистическая крестьянская семья из 6 человек имела в посеве 26 пудов разного зерна (около 400 кг). При средневзвешенной (очень высокой) урожайности в сам-3,6 валовой сбор достигал 115,5 пуда (около 1850 кг). Минимальный же расход семьи достигал 125,4 пуда (около 2000 кг), т.е. дефицит был небольшим — 10 пудов. Однако на питание при этом шло всего 72 пуда (около 1150 кг), а это означало, что суточный расход на едока был катастрофически небольшим — всего 526 г зерна (около 1500 ккал при норме в 3200 ккал). Более того, расчет этот не включает расход на подкормку скота. Разумеется, кроме хлеба и круп в рацион питания входили и капуста, и репа, и редька, и свекла, но это кардинально не меняло полуголодный быт крестьян. Выручала лишь рыба да соленые грибы. Следует напомнить, что на нужды хозяйства теперь необходима была продажа части урожая, а это можно было сделать только туго затянув пояса.

Что же касается мяса, то его ели очень редко. Из молочных продуктов в ходу была сметана: ею забеливали пустые щи в «скоромные» дни недели и на праздники. Дефицит мясомолочных продуктов объясняется также неблагоприятными природно-климатическими условиями в зоне Нечерноземья. Здесь стойловый период был очень длительным (около 200 суток в год) и требовал огромного количества заготавливаемого сена. В то же время предельно короткий рабочий сезон земледельческих работ позволял выделить на сенокос лишь 20—30 суток, а это очень мало. Не хватало сена даже в помещичьих хозяйствах. Судя по инструкциям управителям имений за 50-е годы XVIII в., при нормах, обычных для этой эпохи (160 пудов сена на лошадь, 108 пудов на корову), реально в барских имениях Центральной России на рабочую лошадь расходовали около 80 пудов сена (на нерабочую — 45-50 пудов). Необходимый рабочему скоту овес также в имениях отпускали в мизерных дозах. Так, по инструкции 1733 г. в имении П.М. Бестужева-Рюмина на 200 суток «рабочая» лошадь получала всего 33 пуда невеянного (засоренного) овса, чистого же — вдвое меньше. В имениях П.А. Румянцева в 1751 г. на те же цели шло 35 пудов невеянного овса. По свидетельству же русского агронома М. Ливанова, в Англии в конце XVIII в. эта норма достигала от 117 до 133 пудов овса. Поэтому и рабочий скот там был сильнее в несколько раз. Что касается расхода кормов в крестьянском хозяйстве, то он был еще меньше: на лошадь шло менее 70 пудов сена, на корову — чуть более 40 пудов, а овса тратилось в среднем не более 15—20 пудов.

Как же при этом выживали крестьяне? Ведь августовским подкашиванием трав дело не исправишь... И тут следует сказать о многовековой практике использования на корм скоту яровой соломы, а иногда и ржаной. Мелко рубленая солома, обваренная кипятком и засыпанная мякиной и даже мукой, была существенным подспорьем. Но и ее не хватало. Для семьи из четырех человек возможный максимум заготовки соломы достигал примерно 180 пудов, а нужно было более 260 пудов — дефицит около 30%. В неблагоприятном 1731 г. даже в царских конюшнях на жеребца-производителя в стойловый период истратили целых 18 возов соломы. Однако следует знать, что солома, копченая в овинах, — это грубый, тяжелый, лишенный витаминов корм. От него скот часто болел и погибал. Нередко с апреля и даже ранее слабеющий скот в хлевах поддерживали на веревках до Егория весеннего, когда его выгоняли на свежую траву. Тяжесть и трагичность ситуации и с питанием людей и с кормами для скота можно иллюстрировать советом в инструкции В.Н.Татищева, известного сподвижника Петра Великого. Он, в частности рекомендовал своим современникам в критических случаях кормить племенных свиней лошадиным калом с присыпкой отрубей, прибавляя при этом, что тем же, на худой конец, можно кормить и... коров. На этом фоне «пищевые» добавки скоту в виде мякины, соломы, ухоботья, ухвостья — явление вполне нормальное. Обычно и то, что «лошади (у крестьян)... весной от бескормицы тощи и малосильны», а коровы «дают немного молока и то жидкого». В наше время это удои хорошей козы (до 600 л).

И тем не менее русский народ и другие народы Восточной Европы приспособивались и выживали. Испытанный способ в этой ситуации — многодетная семья, ибо большая семья дает в перспективе больше рабочих рук, бóльший пашенный надел. Популярны были неразделенные братские и большие патриархальные семьи, где эффективна была внутренняя рационализация хозяйства, возможность продать сэкономленное зерно, приплод скота, собранные грибы, ягода и т.д. Мелкие партии зерна в руках скупщиков превращались в итоге в солидные грузопотоки товаров.

Лесные рощисты — выход из тупика. Более существенный способ приспособления крестьянина к суровым условиям России заключался в преодолении извечного парадокса — обилия огромных луговых и лесных просторов при ничтожных возможностях земледелия и скотоводства. Способ такого преодоления заключался в вынужденном использовании в Нечерноземье архаичных приемов поддержания плодородия почвы путем лесных расчисток для временных посевов, приносящих на короткий срок высокие урожаи. Отсюда идет и живучесть крестьянской общины, ибо сведение лесов было возможным лишь при коллективных, артельных усилиях. Без этого российская деревня Нечерноземья

вряд ли бы выжила. Низкая урожайность в сам-2, сам-3 часто перемежалась с неурожаем, либо частичными, либо охватывающими огромные регионы. В первой половине XVIII в. для Русской равнины отмечено увлажнение климата и учащение длительных летних дождей, вызвавших, в частности, неурожай 1716 г. В 1718 г. сильные заморозки весной и летом погубили посевы. В 1721—1724 гг. во многих губерниях были неурожаи и голод. Серия голодных лет пришла и 1732—1736 гг. Наиболее страшным был голод 1733 г., прежде всего на территории будущих екатерининских Псковской, Новгородской, Смоленской, Калужской, Тверской, Московской, Рязанской, Владимирской, Костромской и Нижегородской губерний. В смоленских селениях для пропитания сушили дуб, илим, липняк, пекли хлеб из сена, мха и «гнилой колоды». В московских уездах питались также травой, мхом и «гнилой колодой», от нее «ноги и живот пухнут и в голове бывает лом великий, отчего и умирают». К сожалению, эта великая беда не была последней. В 1739—1740 гг. суровые морозы уничтожили озимые. На просторах Среднерусской возвышенности были неурожаи и в 1747—1750 гг. Полоса тяжелых неурожаев 20—30-х гг. сказалась на финансовом положении страны. И тем не менее, народ после столь страшных бед находил в себе силы для жизни, налаживал хозяйство. Хотя и при низкой урожайности, экономя хлеб на питании, крестьяне вывозили зерно мелкими партиями на рынок.

Наряду с легкой сохой большое развитие в центральной части страны получают модернизированные варианты сохи, объединявшие достоинства и сохи, и плуга. Эта модернизация называлась «косуля». Косули были особенно распространены в Центральной России на тяжелых суглинистых почвах, где они применялись наряду с плугом. Косулей крестьянин отваливал более широкий пласт, и если с сохой для вспашки одной десятины земли (около 1 га) он должен был проделать около 48 верст, то с косулей для этого он совершал путь лишь в 33—35 верст. Главное же — косулей вспахивали землю гораздо глубже, что повышало урожайность.

Аграрный рынок. Важно отметить, что препятствием на пути развития товарного хозяйства стояла жесткая система трехпольного севооборота. При том, что все озимое поле было занято рожью, а более половины ярового поля — овсом, остальная земля делилась на мелкие участки между ячменем, льном, горохом, иногда — пшеницей и гречей. Крестьянин не мог, скажем, отказаться от озимой ржи, не мог вместо овса засеять яровое поле одним льном, так как без овса невозможно прожить, хотя этот лен он, может быть, и продал бы с прибылью. Рынок в XVIII столетии не был настолько развит, чтобы удовлетворять потребности самих крестьян в той или иной сельскохозяйственной продукции. Он удовлетворял потребности лишь неземледельческого населения и прежде всего незначи-

тельное население городов. Таким образом, специализация крестьянского хозяйства шла очень медленно, сохраняя свою натуральную основу.

И все-таки специализация постепенно развивалась. Крестьянство Центральной России издавна уделяло внимание посевам льна, частично расширяя их в яровом поле и тесня другие культуры. Отличным льном славились районы вокруг Пскова и Ярославля. Скупщики собирали по деревням и селам мелкие партии льна, а купцы в огромных количествах отправляли их за границу или на ткацкие фабрики Ярославля, Костромы, Владимира, Москвы и др. городов.

За счет жесткой экономии на питании и путем использования зерна, получаемого на рощистях, с XVII в. постепенно развивался и хлебный рынок, нарастали товарные зерновые потоки, связующие Москву с Замосковным краем. В 1731 г. зафиксирован на таможенных привоз хлеба из Великих Лук, Владимира, Суздаля, Ярославля, Арзамаса, а в 1723 и 1728 гг. — из Нижнего Новгорода, Юрьева Польского, Балахны, Каширы, Новгорода, Бежецка, а также Суздаля и Владимира. Таможенные книги за 1723, 1728 и 1730 гг. фиксируют торговые потоки в Московский регион из приокских и южных уездов. Это Коломна, Зарайск, Михайлов, Переяславль-Рязанский, Касимов, Епифань, Тула, а также ближайшие к Москве Серпухов, Венев и Боровск. В 1737 г. в Москву водой в общей сложности было отправлено 1 млн. 176 тыс. пудов зерна и муки. Причем из них около 1 млн. пудов из Орла. И это не случайно, так как еще в 60-х годах XVII в. из Орла в Москву доставлялось около 180—240 тыс. пудов хлеба.

Как известно, под влиянием многих факторов рыночные цены на муку и зерно постоянно колебались. Если же огромный первичный материал о ценах обобщить в среднегодовые местные цены, то на уровне движений годовых цен можно выявить определенные закономерности. В частности, можно обнаружить, что к середине XVIII в. уже сформировались огромные регионы, внутри которых годовые цены колеблются слаженно под воздействием единого механизма. Этот механизм олицетворяет действие единого закона стоимости, под влиянием которого цены, разные по своей фактической величине, слаженно изменяются в пределах этого региона. Таким способом исследователи обнаружили существование к середине XVIII в. единых региональных рынков ржи и рынков овса, т.е. рынков определенного вида товаров. Древнейшим из них, истоки которого уходят в XVII в., был Волжский региональный рынок ржи. В его состав вошли 10 будущих екатерининских губерний (Псковская, Новгородская, Вологодская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская и, вероятнее всего — Московская).

Другой региональный единый рынок ржи, сравнительно более позднего происхождения, сформировался на Черноземье, примерно ограниченном с юга линией крепостей и засек XVII века. Это гигантские оборонительные линии-«черты»: Белгородская, Симбирская, Закамская и Изюмская. В этот рынок были включены запад и юг Московской провинции, а также Тульская, Переяславль-Рязанская, Орловская, Елецкая, Белгородская, Севская, Воронежская провинции, Слобожанщина и Киев. Региональные рынки овса территориально практически совпадали с рынками ржи. Важно отметить, что северная территория Черноземного рынка сливалась с центральной частью Волжского регионального рынка, что подсказывало их будущее слияние. Появление таких рынков служит надежным свидетельством реальности процесса постепенного создания в области товарного обращения, несмотря на трагичность жизни крестьянина, единого экономического пространства. Вполне понятно и то, что единый механизм макродвижений цен появлялся в наиболее плотно заселенных и освоенных землях исторического центра государства. Центральное Нечерноземье и Черноземный Центр охватывали 50% населения России в рамках территорий, учтенных 1-й ревизией 1719—1727 гг. Это на 1744 г. составляло 4 млн. 224 тыс. душ муж. пола. Сюда же входила и большая часть Левобережной Украины (1 млн. 156 тыс. душ муж. пола). Остальные регионы были еще слабо освоены (Северо-Запад — 7,9% населения страны, Среднее Поволжье — 9,3%, Северное Приуралье — 5,6%, часть Латвии, Белоруссии и Смоленщины — 3,1% и т.д.). Всего в стране по 2-й ревизии было 8 млн. 869 тыс. душ муж. пола или 17,7 млн. чел.

Освоение Юга и Юго-Востока. Важно отметить, что ни в Волжский, ни в Центрально-Черноземный рынок еще не включились малоосвоенные районы (например, будущие Тамбовская и Пензенская губернии), хотя процесс освоения русским населением обширных малозаселенных, но плодородных территорий на юге и юго-востоке страны интенсивно развивался. Русское население было уже значительным и в Заволжье, и в нижнем течении Дона, в районах Предкавказья, в Башкирии и т.д. Территория, где жили татары, чувашаи, марийцы, башкиры, в описываемое время, имела уже большую прослойку русского населения. Русские крестьяне мирно жили бок о бок с татарами, башкирами, чувашами и т.д., входили в родственные связи между собой. Конфликты возникали, как правило, уже в тот момент, когда вслед за крестьянской колонизацией в эти земли вступали русские феодалы, когда начинались земельные захваты, когда царские чиновники облагали местные народы неожиданными налогами и т.д.

Сельское хозяйство вновь осваиваемых южных территорий имело значительные отличия от земледелия нечерноземной полосы. Довольно широкое распространение в этих

районах получает пестрополье и залежная система. Залежная система, давая хорошие сенокосы, была и методом борьбы с главным врагом этих мест — с сорняками. Плодородная почва, давая обильный урожай, из года в год зарастала все большим количеством сорняков и поле приходилось бросать на 5—10 лет. Мощные (до 1,5—2 метров) черноземы издавна обрабатывались так называемым малороссийским тяжелым плугом — большим деревянным плугом с железным сошником-наконечником и отвалом, переворачивавшим пласт земли. В такой плуг запрягали по 6—8 волов. Да и стоил он очень дорого и далеко не каждый пахарь имел его. Рыхлили почву после вспашки ралом или деревянной бороной. Был в употреблении и сабан.

С освоением черноземных земель из центра страны сюда стала проникать соха. Будучи весьма примитивным орудием, соха имела много важнейших достоинств. Она была легка, так как почти вся она была из дерева (кроме железных сошников). Поэтому пахать с нею можно было всего лишь одной лошадкой, что для крестьянина было важным обстоятельством. В итоге в районах Курска, Орла, Тамбова, Воронежа, Пензы, Симбирска и т.д. соха постепенно вытесняет малороссийский тяжелый плуг. В Заволжье у чувашей и татар соха также вытесняет татарский тяжелый плуг сабан.

Итак, освоение плодородного чернозема было еще одним важным фактором в вовлечении крестьянского хозяйства в орбиту товарно-денежных отношений, в преодолении былой замкнутости этого хозяйства. Несмотря на то, что районы черноземов часто страдали от засухи, плодородие их было настолько большим, что урожайный год не только покрывал скудные неурожайные сборы, но и давал излишки зерновой продукции. Урожай ржи достигал сам-10, сам-15; урожаи пшеницы — сам-5, сам-8; урожаи проса — сам-20, сам-30 и более. Кроме того, более свободное маневрирование посевной площадью, чем при обычном трехполье давало возможность выделять большие массивы земель под пшеницу, просо, гречу и т.д.

Однако наиболее серьезной проблемой развития российского земледелия был, как уже говорилось, острый дефицит времени, которое крестьянин мог использовать для земледельческих работ. Его было так мало, что при более или менее тщательной обработке пахарь мог возделывать очень небольшую площадь земли, урожая с которой едва хватало на собственное содержание. Больше того, катастрофические серии неурожаев и недородов, как это случилось в 20—30-е гг. XVIII в. (за 20 лет — 9 лет неурожайных!), могли ввергнуть в кризисную ситуацию и страну в целом, о чем будет сказано в следующих разделах. В то же время потребности развивающегося Российского государства требовали гораздо большего по объему валового земледельческого продукта (в отличие от продуктов про-

мышленности, развивающейся мобилизационным путем использования крепостного труда).

Так объективно возникала задача дальнейшего увеличения трудовой нагрузки крестьянина, причем увеличения этой нагрузки в тот короткий сельскохозяйственный сезон, которым Природа одарила Россию. Отсюда проистекали и характерные для XVIII столетия процессы резкого усиления эксплуатации подневольного российского крестьянства.

§ 2. Переустройства государственного управления во второй четверти XVIII в.

Так исторически сложилось, что после смерти Петра I созданная им бюрократическая машина дворянского государства должна была пройти сквозь испытания контрреформ. Однако в итоге всех административных изменений система центральных учреждений осталась почти неизменной. Во главе государства стояла фигура императора. При нем в виде совещательного органа попеременно возникали либо Тайный совет, либо Верховный тайный совет, либо Кабинет ее императорского величества, либо, наконец, так называемая Конференция при высочайшем дворе.

При слабости или прямой неспособности к государственной деятельности той или иной царственной особы эти совещательные органы превращались фактически в высшие органы государственной власти. В их состав входили, как правило, влиятельнейшие сановники. В стенах Тайного совета, Верховного тайного совета и Кабинета решались все крупнейшие вопросы внешней и внутренней политики. Да и не только крупнейшие. В частности, в сохранившихся протоколах Верховного тайного совета есть множество свидетельств того, что наряду с законодательной деятельностью и государственным контролем в совете решались многочисленные вопросы текущего характера по управлению государством. В этой области и Верховный тайный совет и Кабинет сплошь и рядом подменяли не только Сенат, но и коллегии. Так, в частности, подменяя Сенат, Верховный тайный совет утверждал кандидатуры на должности губернаторов, вице-губернаторов, комендантов и т.п. Тем не менее бремя текущих дел управления все же лежало на Сенате, хотя первые три коллегии (иностранных дел, военная и адмиралтейство) практически ему не подчинялись. В 1726 г. Синод был разделен на 2 департамента (первый из них имел, так сказать, идейно-нравственные задачи, а второй — хозяйственные. Это Коллегия экономии). Во второй половине 20-х годов были расширены права Юстиц-коллегии, работавшей, как и Вотчинная коллегия, в Москве. В 1730 г. появилось еще 2 приказа (судный, сыскной). Сделали это под влиянием чудовищного вала жалоб и челобитий. Восстановлена была Ревизион-коллегия. Важнейшую роль в Верховном тайном совете играли А. Д. Меншиков,

Ф. М. Апраксин, А. И. Остерман, П. А. Толстой, Д. М. Голицын (при явном лидерстве Меншикова вплоть до его падения в сентябре 1727 г.). При Петре II в нем важную роль стали играть И. А. и В. Л. Долгорукие.

При Анне Ивановне всю законодательную, исполнительную и судебную власть сосредоточил в своих руках так называемый Кабинет. Основанный в ноябре 1731 г. как личная канцелярия императрицы, он быстро сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Распоряжался в нем А.И. Остерман при полной апатии двух других членов Кабинета (Г.И. Головкина и А.М. Черкасского). Но вскоре Э. И. Бирон вводит в Кабинет П.И. Ягужинского. В 1738 г. на короткое время во главе Кабинета становится А. П. Волынский, а в 1744 г. — А. П. Бестужев-Рюмин. С 1735 г. постановления Кабинета за подписью трех его министров стали заменять указы императорской особы. С этого момента Кабинет стал расширять свои функции за счет сферы непосредственного управления. Сенат и коллегии ежемесячно подавали в Кабинет рапорты о своей деятельности. В прямое подчинение Кабинету перешла доимочная канцелярия, а также Соляная контора.

В 40-х гг. XVIII в. многое было восстановлено из практики государственного управления Петра I. Сенат, в частности, был восстановлен в своих правах и снова стал "Правительствующим Сенатом". Однако и в этот период постепенно нарастала необходимость существования Совета при императорской особе.

В том же направлении эволюционировала и елизаветинская "Конференция при высочайшем дворе". Функции ее в 40-х гг. ограничивались лишь рекомендациями и решениями в области международных сношений. Собиралась она от случая к случаю. Но уже с началом Семилетней войны "Конференция" расширила свои права и стала постоянно собирающимся коллективным органом для руководства военными действиями русских войск. В конце 50-х гг. "Конференция" превращается в государственное учреждение типа Кабинета или Верховного тайного совета, ибо здесь уже фактически решаются и важнейшие вопросы внутренней политики (вопросы финансовой политики, торговли, цехового устройства городов, вопрос о секуляризации церковных владений и т.д.).

Созданный Петром I Сенат — высший правительственный орган, непосредственно подчиненный императору, должен был сосредоточить в своих руках чисто административную власть по руководству всеми государственными учреждениями. Однако во второй четверти XVIII столетия мы постоянно сталкиваемся с ущемлением прав Сената со стороны либо Верховного тайного совета, либо его наследников. Лишь в 40-х гг. XVIII в. Сенат сравнительно долгий период имеет всю полноту своих прав. Такого рода нарушения при условии полной или частичной бездарности царствующих особ в области государственно-

го управления, видимо, были следствием постоянно возникающих олигархических тенденций. Та или иная группировка временщиков стремилась к власти любой ценой и была заинтересована в существовании всякого рода тайных советов.

Степень влияния и могущество того или иного сановника иногда сказывались и на роли тех или иных коллегий. В целом их число и состав оставались во второй четверти XVIII в. те же, как и при Петре I. Внешние сношения государства осуществляла Коллегия иностранных дел, отчасти также Военная и Адмиралтейская коллегии. Социальная внутренняя политика (и прежде всего обеспечение интересов дворянства) проводилась группой коллегий, среди которых были Юстиц-коллегия, Военная коллегия и Вотчинная коллегия (население городов имело Главный магистрат). Вопросами хозяйственной и экономической политики ведали Мануфактур-коллегия, Берг-коллегия, Камер-коллегия, Коммерц-коллегия и Штатс-контора. Вопросами церкви занимался Синод, существовавший на правах коллегии.

Однако при всем этом в 1725—1727 гг. Военная коллегия вышла из-под контроля не только Сената, что было узаконено в 1722 г., но и Верховного тайного совета. Это был период всемогущества Меншикова. Не подчинялись Сенату и были поставлены выше других Адмиралтейская коллегия и Коллегия иностранных дел. Немалую роль при этом сыграло и то, что во главе их стояли "верховники" Ф.М.Апраксин и А.И.Остерман.

В эпоху засилья временщиков весьма характерные меры предпринимались по отношению к институту прокуроров, надзиравших за интересами казны. Во второй четверти столетия их дважды отменяли, а окончательно восстановили лишь при Елизавете.

Так называемые контрреформы, последовавшие после смерти Петра I, имели в виду не столько уничтожение его наследия в преобразованиях дворянской империи, сколько стремление любыми путями преодолеть тот тяжелый финансовый кризис, который разразился в 20—30-е гг. XVIII в. Главное стремление реформаторов — упрощение, удешевление государственной машины. На практике это приводило иногда к нарушениям экономических и иных интересов государства.

В области финансов при Петре I Коммерц-коллегия ведала приходом, а Штатс-контора расходом денежных средств. Теперь же оба учреждения были объединены в одно. В 1727 г. Мануфактур-коллегия была соединена с Коммерц-коллегией под тем предлогом, что члены ее без Сената ни одного важного решения принять не могут и потому «даром хлеб едят». В 1731 г. эта мера была усугублена уничтожением Берг-коллегии, которая также была слита с Коммерц-коллегией и вновь образованной Комиссией о коммерции. И все это надолго, вплоть до 1742 г., когда обе эти коллегии были восстановлены, нарушило

ход решения важнейших экономических проблем. Деятельность же Генерал-берг-директориума (с 1736 по 1741 г.) во главе с не имевшим “ни малого знания к содержанию...заводов” К.А.Шембергом нанесла ущерб развитию горных заводов, не говоря о колоссальных хищениях, совершенных руководителями директориума (за 2 года более 400 тыс. руб.).

В системе центральных учреждений в эпоху дворцовых переворотов были и нововведения. В 1731 г. было образовано одно из самых мрачных учреждений эпохи дворцовых переворотов — Канцелярия тайных розыскных дел. Она просуществовала на правах коллегии до 60-х гг. XVIII в. Через это учреждение прошли десятки тысяч битых кнутом, вздернутых на дыбу, подвергшихся пыткам каленым железом. Другой вновь созданный в 1729 г. орган госуправления — Канцелярия конфискации. Это учреждение отбирало в казну имения и имущество опальных князей, дворян, представителей крестьянства и городского посада. Наконец, весьма характерное явление эпохи — Доимочная канцелярия, усилия которой, начиная с 1725 г., в течение нескольких десятилетий были направлены на выжимание недоплаченных налоговых денег из крестьян.

Значительно большим изменениям была подвергнута система местных учреждений. Цель этих изменений двоякая: укрепление власти дворянского государства на местах в обстановке постоянных волнений подневольного населения и облегчение острейшего финансового кризиса, разразившегося в 20—30-е гг. XVIII в.

§ 3. Областная контрреформа

Молчаливо охраняя интересы помещиков, верхи государства, экономя расходы, обратили свои взоры на государственный аппарат, на систему государственного управления. Все центральные коллегии должны были сократить свои штаты до минимума в 6 персон (президент, его заместитель, два советника и два их помощника ассесоры). Больше того, по желанию самих чиновников они могли теперь удаляться от службы в свои поместья при условии, что половина штата коллегии присутствует при делах, а другая в отпуске. Самое основное состояло в том, что отпускниками отныне не платили жалованья.

В 1727 г. была в сущности ликвидирована петровская система местных учреждений. Эта система областных учреждений была, безусловно, весьма дорогостоящей. На территории только лишь такой административной единицы, как провинция, концентрировалось множество местных учреждений, функции которых на практике взаимно переплетались. Кроме того, были учреждения в губерниях и в дистриктах. Все это после смерти

Петра I было подвергнуто пристальному критическому пересмотру, в итоге которого был принят ряд мер.

Прежде всего о войске — тех полках, которые Петр I распределил по селениям и уездам (дистриктам). Полки из крестьянских селений перемещались теперь в города, причем преимущественно приграничные и в хлебородных районах. Полковое начальство было отставлено от сбора подушных денег. Перестроены были и финансовые органы. Штатс-конторы подчинили Камер-коллегии, а функции рентмейстера и камерира объединили (остался лишь камерир). В 1727 г. было решено "как надворные суды, так и всех лишних управителей и канцелярии, и конторы камериров, земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить". Вальдмейстеры с их конторами были также уничтожены. Короче говоря, система петровских учреждений в провинции по существу была ликвидирована. Мотивировка при этом была лишь одна "в делах непорядки.., в даче жалованья напрасные убытки, народу от многих и разных управителей тягости и волокиты". Что же предлагалось теперь взамен? Ответ был также прост: «А понеже прежде сего бывали во всех городех одни воеводы и всякие дела... отправляли одни и были без жалования, и тогда лучшее от одного правление происходило и люди были довольны". Одним словом, воеводская власть, объединявшая все функции управления в одних руках, признавалась более приемлемой. Таким образом, в какой-то мере это был возврат к практике XVII столетия. Количество городов, где "сидели" воеводы, было восстановлено по-старому, т.е. их число заметно увеличилось. Не осталось и следа от едва намечавшегося разделения судебной и исполнительной функций. Не осталось и следа от зарождавшегося самостоятельного управления городского посадского населения, поскольку Главный магистрат был уничтожен, городские магистраты подчинены воеводе, а потом уничтожили и их, сохранив лишь ратуши. Важнейшие уголовные дела у посадского населения (тяжба, разбой и убийство) были снова в компетенции одного лишь воеводы. Власть самого воеводы вновь стала единоличной, с 1727 г. так называемые ассесоры ("товарищи") воеводы были ликвидированы.

Низшие чиновники были лишены теперь жалованья. Им предоставлялась возможность кормиться за счет подношений населения. Так были вновь вызваны к жизни старинные феодальные поборы "хоженое", "езд" и т.п. Большую деградацию, пожалуй, трудно представить. В 1736 г. дело дошло до того, что жалование оплачивали натурой (китайскими и сибирскими товарами). Исключение составили лишь чиновники Кабинета, Академия наук и, разумеется, иностранцы. Впрочем, с 1739 г. чиновники Петербурга, как и при Петре I, стали получать вдвое больше остальных.

При всем этом областная контрреформа не была сплошным отрицанием. Правда, кое в чем изменения имели позитивный характер и были предприняты отнюдь не во имя срочного исправления тяжелого финансового положения. При всей широте замыслов Петра I вторая областная реформа 1719 г. осталась сооружением, не приведенным в систему. Введя три ранга учреждений (губерния, провинция, уезд), Петр I не привел в порядок их субординацию. Губернские учреждения во многом оказывались лишними, либо дублировали центральные инстанции. Создалось такое положение, когда провинциальные органы управления сносились прямо с центральными коллегиями, минуя губернские инстанции, так как подчинялись в равной мере и тем и другим. Камереры, например, подчинялись одновременно и своему воеводе, и губернатору, и Камер-коллегии. Провинциальные воеводы подчинялись губернаторам только по военным делам (рекруты) и в области суда как апелляционной инстанции. Неразбериху вносило и переплетение и смешение функций гражданских органов власти и военной власти в виде полковых дворов, что усиливало путаницу.

Перестройка 1727 г. установила строгую последовательность подчинения: воевода уездный зависел только от провинциального воеводы, а последний подчинялся только воеводе губернскому. Это была строгая иерархия. Центром тяжести, основной ячейкой на местах стала губерния. Полномочия губернатора резко возросли. Он имел теперь даже право утверждения смертных приговоров. В губернии все нити управления сосредоточились в губернском правлении, при котором были полицмейстерская и крепостная контора, губернский магистрат с таможенной и кружечным двором. В провинции воевода возглавлял провинциальную канцелярию с крепостной конторой и провинциальным магистратом, имевшим соответственно таможенную и кружечный двор, а также крепостную контору. Наконец, низшим звеном был городской воевода и соответственно — воеводская канцелярия со своей крепостной конторой, магистратом, таможенной и кружечным двором. Причем под началом канцелярии были старосты и десятские в сельской местности, а у городского магистрата — посадский сход. Параллельно шла вертикаль прокурорского надзора, который был восстановлен в 1733 г., потом вновь отменен и снова восстановлен лишь в 1742 г., когда с засильем иностранцев было покончено. Такова была структура местного управления по сути своей. Это положение просуществовало вплоть до областной реформы 1775 г.

§ 4. Эволюция финансовой политики. Социальные итоги

Крестьянство встретило подушную подать Петра I упорным сопротивлением, которое обнаружило себя уже при проведении первой ревизии. Жители той или иной мест-

ности при прибытии переписчиков либо убегали, либо утаивали часть населения. Правительство вело жестокую борьбу с укрывавшимися от переписи. В связи с усилением бегства крестьян в Польшу на западных пограничных территориях были установлены специальные заставы для их поимки. Так, в частности на территории только лишь Смоленской губ. и Великолуцкой провинции таких застав насчитывалось свыше 100. Беглые крестьяне подвергались жестоким наказаниям.

Однако, к утайке душ прибегали и сами помещики, стремясь тем самым увеличить свои собственные поборы. В начале 20-х гг. систематически издавались указы, санкционировавшие различного рода наказания помещикам, вплоть до наказания кнутом и ссылки на каторгу. Однако все эти меры были малоэффективны и вскоре от них отказались.

Неурожай, голод, недоимки. Как уже упоминалось, в 1723—1726 гг. перед началом сбора подушных денег обширные территории России постиг неурожай, что резко ухудшило положение крестьян. Уже первый сбор подушного налога дал огромную недоимку (30%) всей суммы налога.

На 1725 год правительство вынуждено было понизить подушный оклад до 70 коп., но это не спасало положения. Недобор всей суммы налога вновь составил 30%. В 1731 г. было жесткое указание собрать недоимки за 3 месяца. В 1732—1733 гг. был запрет переселять крестьян без санкции Камер-коллегии. Из-за страшного неурожая 1733 г. огромные массы крестьян пошли по миру. К 1734 г. недоимка достигла в итоге огромной суммы в 850 тыс. руб. В 1734—1736 гг. Россию вновь потрясли сильные неурожаи. Власти предпринимали немалые усилия по ликвидации голода, но усилия эти были несравнимы с размахом страшной беды. Не было семян, замерла торговля, сникла активность Макарьевской ярмарки. Ростовщики, по словам С.М. Соловьева, взимали чудовищные проценты (12%, 15% и даже 20%). В результате за одну только первую половину 1734 года недоимка достигла 720 тыс. руб. По данным Военной коллегии к 1739 г. общая задолженность по подушной подати достигла фантастической цифры — около 5 млн. руб., что служит сильнейшим показателем явного разорения крестьянства. В 1739—1740 гг., как уже упоминалось, вновь погибли все озимые. В такой обстановке правительство должно было неоднократно прощать недоимки. Так, в частности, треть сборов была отменена на 1727 г., на 1728 г., на 1730 г. В 1735 г. отменили сбор за целых полгода. Наконец, в 1740 г. ежегодный сбор был уменьшен на 17 коп. с души, а в 1742—1743 гг. — на 10 коп. (что составило около 1 млн. руб.). После серии тяжелых неурожаев конца 40-х годов в 1752 г. правительство вынуждено было "простить" всю старую недоимку с 1724 по 1746 гг. (что составило около 2,5 млн. руб.). К тому же еще в 1741 г. правительство ликвидирует злосчастную

Доимочную контору. Вместе с тем в 50-х гг. намечается тенденция к постепенному понижению подушного оклада. В 1751 г. оклад был понижен на 3 коп. с души, такое же понижение было в 1752 г. На 5 коп. понизили оклад 1753 г. и т.д. Впрочем, у этого щедрого жеста царского правительства была довольно мрачная закулисная сторона, но об этом чуть позже.

Нестабильность порядка сбора подушной подати. Важно подчеркнуть, что крайне разорителен был и сам порядок сбора подушной подати. Стремясь сломить сопротивление крестьянства, царское правительство поначалу передало функции сбора подати в руки армии. Стало быть, помимо местных учреждений, подчинявшихся Камер-коллегии, к этому делу были привлечены офицеры полков, расквартированных в той или иной местности. Это повлекло за собой огромные злоупотребления солдат и офицеров.

В записке императрице Екатерине I, составленной осенью 1726 г., озабоченные высшие сановники (Меншиков, Остерман, Макаров, Волков) приоткрывали завесу над действительным состоянием дел. В частности, имея в виду сбор налогов, они писали, что "мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров, тем страшнее правож и экзекуция". Впрочем, занимались хищениями не только они, но и чиновники местных учреждений, лихоимство которых достигло, казалось бы, предела. Высшие сановники прекрасно отдавали себе отчет в том, как могло управлять страной чиновничество. В той же записке, составленной осенью 1726 г., подчеркивалось изобилие различных инстанций, всякого рода фискалов, комиссаров, вальдмейстеров и прочих до воевод, из которых "иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися называться могут".

Ликвидация системы петровских учреждений, разумеется, не решила всех острых вопросов, хотя в итоге административных реформ расходы на госаппарат сократились более чем вдвое. По-прежнему огромные средства требовало содержание армии и флота, грандиозными темпами росли расходы императорского двора. По-прежнему росли недоимки по подушной подати. Правительство лихорадочно шарахалось от одной меры к другой. Как мы видели, армия в 1727 г. от сбора подушных денег была отстранена. При воеводе был лишь один штаб или обер-офицер для помощи. Основная роль в сборе денег возложена на земских комиссаров. Причем, задолженность стали взыскивать не с самих крестьян, а с помещиков или со старост и приказчиков. Однако в 1730 г. сбор подушных бы снова передан в руки армии — полковников и прочих офицеров, расквартированных в данном районе. И это вновь не помогло. Даже самые страшные экзекуции не могли выжать деньги у истощенного и разоренного населения.

В 1733 г. вдруг снова меняется система сбора подушного налога. Теперь сбор недоимок и самой подати возлагается на самих помещиков, что неумолимо приводило к усилению власти помещиков над крестьянами, к росту произвола и злоупотреблений. В сущности и эта мера не дала эффекта, так как среди "недоимщиков" фигурировали и сенаторы, и президенты коллегий и генералитет и даже обер-прокурор Сената. В 1736 г. было снова объявлено, что сбор подушных денег передается отставным офицерам.

Долголетний "анализ" причин финансового кризиса наконец-то привел высших сановников к справедливому заключению. Так, в предложениях обер-прокурора Сената Анисима Маслова, поданных Анне Ивановне в 1734 г., была весьма трезвая догадка, что причиной недоимок по государственным налогам был рост эксплуатации крестьян самими помещиками. А. Маслов предлагал ограничить эту эксплуатацию. В обстановке жестокого финансового кризиса и беспощадной череды неурожаев и голода рост эксплуатации, помимо субъективных устремлений землевладельцев, имел и объективную основу в необходимости увеличения в интересах государства объема совокупного прибавочного продукта российского социума. Во властных структурах понимание ситуации в целом присутствовало. Поэтому на поданном доношении Анна Ивановна поставила робкую и туманную резолюцию: "обождать". Тем и дело кончилось.

Манипуляции с косвенными налогами. Общую ситуацию осложнял и процесс обесценения монеты. Ведь курс рубля к середине ХУШ в. упал в несколько раз. Подушный сбор и в 70 коп., и в 60 коп. был обесценен. В конце концов в 40—50 гг. ХУШ в. в области финансовой политики наметился существенный поворот. Царское правительство берет курс на повышение роли косвенных налогов, считая что этот путь должен быть наиболее "безболезненным" для повышения реальных доходов казны. Зачинателем такой политики был известнейший деятель елизаветинской поры Петр Иванович Шувалов. Уже в 1742 г. были повышены цены при продаже вина на 10 коп. с ведра. В России издавна существовала монополия государства на продажу вина, поэтому повышение цен на вино увеличивало поступление денежных средств в казну. В конце 40-х гг. ХУШ в. цены на вино были еще раз повышены. При этом на всей территории была установлена единая цена на вино. Уже первый год после введения новых цен дал казне около полумиллиона рублей прибыли (примерно, 30% от всего дохода с вина). В 1756 г. в связи с ростом расходов на войну цен на вино были еще раз повышены: теперь уже повышение равнялось 35 коп. на ведро вина. В 1763 г. цены были вновь повышены на 30 коп. с ведра (цена ведра вина стала таким образом равной 2 р. 53 коп.).

Со времен Петра I была введена другая казенная монополия — на продажу соли. В 1728 г. соляная монополия была отменена, что привело к падению доходов казны. В 1731 г. монополия на продажу соли была вновь восстановлена. В 1749 г. по проекту П.И.Шувалова продажная цена на соль была резко повышена (до 35 коп. за пуд), что сразу же дало повышение дохода казны до 0,5 млн. руб. в год. Расчет прожектера был трезв и циничен. Ведь соль купят по любой цене, так как она “в употребление человеческое к содержанию к жизни необходимая”.

В 1756 г. состоялось вторичное повышение цены до 50 коп. за пуд. Разумеется, столь стремительное повышение цен вело к обнищанию населения, к сокращению потребления соли. И действительно, вскоре в 1762 г. правительство вынуждено было снизить цены до 40 коп. за пуд.

В 40-х гг. XVIII в. был введен еще ряд монополий вплоть до монополии на продажу табака, хотя существенной роли в бюджете они не играли.

Изменения в торговой политике и таможенная реформа. Существенные изменения претерпела политика царизма в области торговли (как внутренней, так и внешней). При Петре I в области внешней торговли проводилась ярко выраженная политика защиты внутреннего рынка от заграничных товаров. Тариф 1724 г. утвердил высокие пошлины на привозимые в Россию товары, поощряя тем самым развитие их производства в стране. Однако, в 1731 г. этот тариф был отменен, а пошлины на ввозимые товары значительно снижены. Это не могло способствовать быстрому развитию как промышленности, так и торговли внутри страны. Кроме того, внутренний рынок России был изборозжен целой сетью условных границ, пересечение которых торговцами сопровождалось уплатой пошлин за провозимый товар. Это давало значительную прибыль государству от таможенных сборов. Однако вместе с тем этот порядок препятствовал развитию торговли и промышленности внутри страны.

Тем временем в России развивалось производство огромной массы предметов народного потребления, причем в это производство вовлекалось крестьянство. В стране постепенно росло число деревень и сел, жители которых получали доход не столько от земледелия, сколько от промышленных занятий (так называемых «промыслов»). Помещики, ориентируясь на изменения характера крестьянского хозяйства, стали приспосабливаться к эксплуатации крестьянских промысловых занятий. Вместо традиционного натурального оброка, вместо работы крестьян на барских полях, все большую роль начинает играть денежный оброк. Дворяне тем самым становились все более заинтересованными в предоставлении своим крестьянам благоприятных условий для торговли и промышленности.

И вот под давлением этих обстоятельств в 1752—1753 гг. П. И. Шувалов предлагает проект таможенной реформы. Многочисленные таможенные перегородки внутри страны, сильно затруднявшие широкое развитие торговли, указом 13 декабря 1753 г. были отменены. Вместе с тем, чтобы государственная казна не претерпела убытки, соответственно были повышены пошлины на ввоз и вывоз товаров из страны за границу. Уже в первый же год повышение внешней пошлины с 5 коп. до 13 коп. дало казне 1,5 млн. руб., а в 1761 г. к концу правления Елизаветы — 2,7 млн. руб. Эта реформа имела весьма существенное значение в развитии всероссийского рынка. Однако казна по-прежнему оберегала интересы верхушки дворянства. В 1756 г. тот же П. И. Шувалов подал проект создания Медного банка с целью предоставления крупных денежных ссуд дворянам, заводчикам и купцам. Проект был реализован за счет прибыли от перечеканки медной монеты. Только в 1759—1761 гг. огромные ссуды получили С.П. Ягужинский, С.К. Нарышкин (по 150 тыс. руб.), по 100 тыс. руб. получили П.И. Репнин, И.Г. Чернышев и др. Сам же П.И. Шувалов имел ссуду на 473 тыс. руб.

Вообще-то активнейший радетель казны не обижал себя и в других делах. В 1748—1751 гг. в его руках оказались сальные промыслы у Архангельска и на Кольском полуострове, китобойный промысел у берегов Гренландии и тюлений промысел на Каспии. На Урале им захвачены были Горноблагодатские заводы (П.И. Шувалов, как и его брат А.И. Шувалов, а также М.И. Воронцов, С.П. Ягужинский за полученные от казны заводы так и не расплатились). А богатства горы Благодатной были несметными (“руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчат”, но и “всюду лежит сливная, одним камнем в глубину”). Таланты изобретателя П.И. Шувалова были многогранны (вспомним хотя бы шуваловские гаубицы и единороги), но богатство его было буквально сказочным. Французский дипломат Ж.-Л. Фавье отметил поистине азиатскую роскошь его дома. Сам же Петр Иванович “всегда был покрыт бриллиантами, как Могол, и окружен свитой из конюхов, адъютантов и ординарцев”.

Расстройство денежной системы. Стремясь выбраться из крепких тенет финансового кризиса, правительство в 1727—1731 гг. стало энергично портить медную монету, уменьшая ее действительную стоимость. Эта практика, как мы видели, началась еще с Петра I. При цене пуда меди в 6—8 руб. из него стали чеканить медных пятаков в 5 с лишним раз больше, чем следовало, т.е. на 40 руб. В итоге внутренний рынок стал наводняться легковесными пятаками, что вызвало немедленный рост цен на предметы торговли и в конечном счете ухудшило положение крестьянства и горожан. Правительство же увеличило массу денег и получило “из ничего” 2 млн. руб. прибыли.

Вторично к этому же маневру прибегли в начале 60-х гг. XVIII в., при Петре III, когда начеканили около 4 млн. медной монеты по норме 32 руб. из пуда меди. Эта мера окончательно привела в расстройство денежное хозяйство страны.

Ужесточение крепостного гнета. В заключение следует отметить, что во второй четверти XVIII в. неизбежно развивается процесс усиления крепостной зависимости частновладельческих крестьян от помещиков. Как уже отмечалось, в 20-е годы помещики стали ответственны за сбор со своих крестьян подушной подати, а в 1731 г. дворянам бы, хотя и временно, передан и сам сбор подушных денег. В том же году крестьян лишили права приносить присягу на верность императору, иначе говоря, крепостные крестьяне перестали считаться гражданами своей страны. За них это стали делать их помещики и даже приказчики помещиков. В итоге власть дворян над крестьянами стала безраздельной. Они стали для крестьян и судом и полицией. Вскоре после проведения первой переписи (первой ревизии 1718—1727 гг.) все шире практикуется продажа крестьян без земли. Теперь помещики уже свободно торговали уже не только деревнями и семьями, но и крепостными поодиночке. К середине столетия эта практика стала настолько обычной, что объявления о продаже крепостных стали публиковаться в газетах на тех же страницах, где были объявления о продаже борзых собак и т.п. Наконец, в 1747 г. помещикам разрешили продавать крестьян в рекруты. Крестьяне же наоборот были лишены права добровольного поступления в рекруты без согласия помещика, что иногда было неким средством избавления от невыносимых притеснений. В итоге крепостные крестьяне стали мало чем отличны от рабов.

Ужесточение режима коснулось и других категорий населения. Многовековой процесс поглощения земледелием практически всего населения был, как уже указывалось, серьезнейшим препятствием для развития промышленности. Рынок свободной рабочей силы в стране практически отсутствовал и еще в 1721 г. законом была разрешена покупка «к фабрикам» заводладельцами крестьян для работы на этих фабриках. Тяжкий труд и невыносимые условия труда в промышленности приводили к текучести рабочей силы, к побегам наемных работников уже очень большого количества разного рода казенных предприятий. Государство решило эту проблему, закрепив в 1736 г. всех вольнонаемных *навечно* к тем заводам и фабрикам, где они в тот момент трудились. Так появилась категория «вечноотданных», которые много десятилетий позже стали называться «посессионными» крестьянами, как и когда-то купленные к фабрикам и приписные крестьяне. В 1762 г. покупка к фабрикам работников была запрещена, однако в 1798 г. запрет был отменен и

вновь стал действовать лишь с 1816 г. Все это были поистине страшные, хотя и вынужденные для общества с низким объемом совокупного прибавочного продукта, меры.

Финансовая служба купцов. Типологически схожа и практика, идущая еще с XVII в., по привлечению посадских людей к выполнению функций низшего звена финансового госаппарата. Даже в первой половине XVIII в. в Российской империи по-прежнему на купцов второй гильдии во множестве мелких и крупных городов с уездами была возложена обязанность сбора таможенных, кабацких, торговых пошлин, вплоть до поручений по созданию необходимых предприятий за счет самого купца. Как выявили недавние изыскания ученых, введена была практика «планирования» сумм таких сборов с соответствующими взысканиями «недоимок». Наконец, следует вновь отметить и сохранение традиционной практики выделения государством ряда товаров в разряд государственной монопольной торговли. Эта традиция в середине века была дополнена введением персональных монопольных прав, распределяемых в узком кругу фаворитов, на ряд промысловых отраслей экономики. Последнее обстоятельство объективно связано с втягиванием представителей дворянства в активную хозяйственную деятельность.

Поворот дворян к хозяйству. Этот процесс на более низком уровне экономики затрагивал широкие круги помещичьего сословия и законодательная практика активно этому содействовала. Крупные изменения в экономике страны, рост промышленности и торговли, увеличение неземледельческого населения — все это создавало предпосылки для роста интереса дворянина-помещика к своему собственному хозяйству, к увеличению его дохода. Ведь до сих пор он в нем бывал лишь наездом, в перерывах от службы. Уже при Екатерине I в стремлении удешевить государственную машину было разрешено двум третям офицерского состава армии по желанию получать отпуск (без сохранения жалования) для наведения порядка в имениях. Таким же правом стали обладать и государственные чиновники, половина штата которых могла пользоваться отпуском. Но дворяне продолжали тяготиться бессрочной службой, и это, как мы видели, нашло отражение в дворянских проектах 1730 г. При Анне Ивановне в 1736 г. срок службы был им сокращен до 25 лет, а один из сыновей мог вообще остаться при имении. Таким образом, дворянин уже в 35-45 лет теперь мог целиком сосредоточиться на хозяйственной деятельности в своих имениях (с гражданской службы отставка была лишь с 55 лет). Указом не замедлили воспользоваться, и после русско-турецкой войны, в 1739 г. около половины офицерского состава сразу же ушло в отставку.

С важнейшими льготами дворянству сочетается и ряд других мер, усиливающих положение дворянства как господствующего класса.

В 1730 г. был отменен Указ о единонаследии 1714 года. С этого момента перераспределение земельной собственности активизируется, сопровождаясь заметной концентрацией земель в руках крупнейших владельцев-латифундистов, ибо земля по-прежнему была источником и хозяйственного и политического могущества. Первая ревизия увеличила количество крепостных за дворянами, так как включала в число крепостных кабальных холопов. В 1739 г. подтверждено монопольное право дворян на владение "крещеной собственностью", т.е. крестьянами. Наконец, чисто хозяйственные привилегии. В 1726 г. за дворянством закреплено право продажи продукции собственных хозяйств. В 1755 г. им было передано монопольное право на винокурение. Наконец, в 1762 г. дворянам разрешен свободный вывоз хлеба за границу. В итоге этих мер у помещиков появился хозяйственный интерес и они устремились в свои владения. Уже в 1750 г. один из современников, А.Т.Болотов заметил эту необычную, по сравнению в недавним прошлым, перемену: «Тогдашние времена были не таковы, как нынешние. Такого великого множества дворянских домов повсюду с живущими в них хозяевами, как ныне, тогда нигде не было. Все дворянство находилось тогда в военной службе, и в деревнях жилали одни только престарелые старики, не могущие более нести службу... и всех таких было немного». Налицо, таким образом, резкое возрастание интереса дворян к своему хозяйству, стремление к повышению доходов своего имения.

§ 5. Социальные взрывы в России после Петра I

Тяжелый хронический финансовый кризис, усиление эксплуатации крестьян, жесточайшее угнетение работных людей, приписных и посессионных крестьян на мануфактурах все это не могло не отразиться на положении народных масс. Оппозиционно настроенные современники отмечали, что в 30-х гг. XVIII в. "непрерывные брани, алчное и ничем не обузданное лихоимство Бироново, неурожаи хлебные в большей части России привели народ в крайнюю нищету. Для понуждения к платежу недоимок употребляли ужаснейшие бесчеловечия, приводящие в содрогание и помышляющих об оных, уныние, стон, слезы, вопль распространились по всей империи". Разумеется, крестьяне боролись против угнетения и лихоимства, боролись как умели и как могли. Крестьяне бежали на юг и на север, бежали за рубеж и "к башкирцам", бежали и от помещиков и от монастырей, бежали дворовые люди и солдаты, бежали работные с заводов и мануфактур, бежали мобилизованные на строительные работы. Число беглых росло, несмотря на свирепые законы и наказания, несмотря на устройство застав и кордонов. Ингерманландия, остзейские губернии, Украина, низовья Дона, Яик, Урал, Башкирия, Сибирь — вот районы оседания

масс беглого крестьянства. С 1719 по 1727 гг. только по официальным данным было зарегистрировано около 200 тыс. беглых. Крестьяне бежали порою целыми деревнями. В 1735 г. в дворцовых селах Морозовской волости Можайского уезда ушло более половины всего населения. В 1742 г. только в одном Переславль-Залесском уезде остались пустыми 68 помещичьих деревень. В 20—30-х гг. из 16 вотчин князя А.М.Черкасского бежало свыше 11 тыс. человек, т.е. почти каждый пятый из крестьян этого владельца. Официальные указы признавали, что "из дворцовых, архиерейских, монастырских, ясачных, так и из помещиковых крестьян в бегах великое множество". Кары за укрытие беглых становились все более суровыми. В 1726—1728 гг. за укрывательство беглого мужика был предписан штраф в 100—200 руб. (за женщину 50—100 руб.), но уже в 1731 г. за сокрытие беглецов и "разбойников" полагалась "смертная казнь, без всякой пощады". За поимку беглого платили по 10 руб. награды. Волна побегов постепенно затухает лишь в конце 40-х — начале 50-х гг. XVIII в. Если с 1725 по 1745 гг. в борьбе с бегством издано 84 указа, то в следующие 10 лет лишь 23. С 40-х гг. штраф за удержание беглых уже снижается.

Самих же беглых неизменно подвергали жесточайшим наказаниям: били кнутом, вырезали ноздри, клеймили, отдавали в рекруты, на галеры, на строительство крепостей и т.д.

Наивность крестьянского мировоззрения была своего рода предпосылкой для другой формы протеста — подачи жалоб, в изобилии поступавших в Сенат и Синод. Искать правды у правительства царской России было делом очень нелегким и всегда бесполезным. Даже тогда, когда под напором жалоб высший государственный исполнительный орган Сенат назначил в 1758 г. комиссию для разбора челобитий крестьян целого ряда монастырей, то комиссия, просуществовав 4 года, оставила все жалобы без последствий. Крестьяне, пришедшие в отчаяние от произвола и эксплуатации помещиков, вступали и на путь активной борьбы. Они уходили в леса и образовывали "разбойничьи" отряды. Активные действия подобных отрядов были повсеместны. Во второй четверти XVIII столетия это движение охватило 54 уезда в 10 губерниях Центральной России. "Разбойные" отряды наводили ужас на окрестных помещиков. В 1732 г. большое число помещиков подало в Сенат коллективное прошение, в котором сообщалось, что в Тульском, Алексинском, Серпуховском, Тарусском, Каширском и Калужском уездах "воры и разбойники... разбивали дома... И ныне оные воры и разбойники в тех городах и провинциях являются и ходят многим собранием человек по 70 и более, и чинят великое разорение и приходят в деревни и в дома помещиковы, берут в неволю хлеб и всякий харч и грозят... смертным убийством. Многие помещики, оставя свои дома и деревни... живут с женами и с детьми в

Москве". В Шацкой, Тамбовской, Переславской, Рязанской и Владимирской провинциях картина была та же самая.

Волнения монастырских крестьян. В 40—50-х гг. XVIII в. и особенно в конце 50-х гг. по всей стране прокатывается могучая волна выступлений монастырских крестьян. Эта категория крестьянства, насчитывающая к середине века около 1 млн. душ муж. пола, принадлежала монастырям, церквам, церковным иерархам (архиереям и т.д.). Положение монастырских крестьян в этот период отличается особой тяжестью. С крестьян требовали и исполнения барщинных работ, и поставки продуктов сельского хозяйства, промыслов, и денежных поборов. Так, в челобитной крестьян Савво-Сторожевского монастыря названо до 30 денежных и натуральных поборов. Крестьяне Волосова монастыря Владимирского уезда должны были платить до восьми разновидностей денежных поборов, обрабатывать свыше 80 десятин пашен и поставлять в монастырь продуктовый оброк (скот, птицу и т.п.). Подобное положение было в сотнях монастырских вотчин. Резко возросли во второй четверти XVIII в. различного рода работы крестьян по заготовке строительного материала для монастырских построек, работы по заготовке дров, ремонту церквей и хозяйственных помещений.

Просвещенная монастырская братия наряду с традиционным хлебом в зерне и печеным хлебом, наряду с мясом, салом, медом, крупами, куриными и гусиными яйцами, солеными и сушеными грибами требовала с крестьян и таких оригинальных поборов, как ягоды шиповника или живые муравьи по полуфунту с души муж. пола.

Монастырская система управления вотчинами имела множество мелких, но отвратительных кровососов и пиявок в лице приказчиков, сотских, различного рода посыльных от монастырской братии и т.д. Пожалуй, нигде в это время так не расцвело взяточничество и лихоимство, как в монастырских деревнях. Произвол и угнетение монастырских крестьян в 50-е гг. XVIII в. достигли своей высшей точки. В это время резко увеличивается и число крестьянских волнений. В 50-х гг. их втрое больше, чем в 30-х гг. XVIII в. (свыше 60 восстаний).

Крестьянские выступления в качестве главного "программного пункта" обычно выдвигали отказ от выполнения повинностей. Так, крестьяне Боровенского монастыря в сентябре 1730 г. отказались от выполнения всех своих повинностей в пользу монастыря. В 1734 г. крестьяне огромной Присекинской вотчины Троице-Сергиевой лавры также отказались подчиняться монастырским властям. В 1742 г. крестьяне Боголюбского Владимирского монастыря начали волнения с отказа от работ и т.д. В 30-х гг. крестьянские выступления были направлены главным образом против разорительных отработков на барщине и

натуральных поборов. Однако в 40-х гг. в крестьянских требованиях уже проявляется и стремление перейти на положение государственных крестьян. Этот мотив был, в частности, одним из основных в напряженной и долгой борьбе 11 тысяч крестьян Вятского Успенского Трифонова монастыря, начавшейся в 1749 г. В 40-е гг. наиболее упорная борьба крестьян характерна для вотчин Чудова Московского, Спасо-Ярославского, Пафнутьева-Боровского монастырей и др.

В 50-х гг. основным требованием почти всех крестьянских выступлений был уже переход на положение государственных крестьян (волнения крестьян Ново-Спасского, Иосифо-Волоколамского, Троице-Калязинского, Спасо-Преображенского, Хутынского Новгородского и др. монастырей).

Во всех этих волнениях крестьянский отказ от работ обычно завершался жестокими порками и экзекуциями присланных воинских команд. Однако в некоторых случаях возникали острые схватки и с солдатами. Крестьяне Шацкого у. Ново-Спасского монастыря, взяли например, в плен всю воинскую команду и сумели удержаться с августа 1756 по февраль 1757 г., когда восстание было жестоко подавлено.

Массовые волнения монастырских крестьян привели в конце концов к обсуждению вопроса о них в правительственных кругах. С 1757 г. снова появились проекты секуляризации церковных имений, а в 1762 г. Петр III подписал указ о секуляризации, практическое осуществление которого задержалось на два с лишним года.

Активные крестьянские выступления характерны не только для монастырских крестьян. Восставали и помещичьи крестьяне. В вотчине Бестужева в Псковском у. двухтысячная толпа устроила настоящее сражение с карателями. Одних убитых крестьян было свыше полусотни. После подавления движения свыше четырех сотен крестьян были жестоко биты плетью и кнутом.

Волнения были и среди народов Поволжья и др. Так, в 1743 г. вспыхнули волнения мордвы в Терюшевской волости Нижегородской губернии. Поводом к выступлению был приказ разрушить мордовские молельни и сжечь "священные рощи". Едва в с. Сарлей было разрушено мордовское кладбище, как вспыхнуло восстание. Начавшись как выступление мордовских крестьян против религиозного гнета, восстание быстро переросло в антикрепостническое движение, охватив соседние районы. Среди восставших было и мордовское население, и русское население дворцового ведомства, и, наконец, помещичьи крестьяне. Число участников достигло 6 тысяч; из Терюшевской волости восстание быстро перекинулось в соседние Арзамасский и Ардатовский уезды. Затем вспыхнули волнения в Керенском и Верхнеломовском уездах Воронежской губернии, в Царевококшайском и

Цивильском уездах Казанской губернии. С оружием в руках крестьяне боролись за свою свободу и сумели продержаться около двух лет. Вождями восстания были Несмеян Кривой, Шатрес Плакидин и др. Царизм жестоко подавил восстание, а Несмеяна сожгли на костре.

Волнения работных людей. Против гнета крепостников боролись и посессионные крестьяне. В 20-х гг. XVIII в. вспыхнуло, например, восстание крестьян заводчика Милякова в Темниковском у. Наиболее крупным было движение крестьян Ромодановской волости, купленных Н.Н. Демидовым к строящемуся "железному" заводу в Калужском уезде.

Бурное сопротивление среди работных людей вызвал указ 1736 г. о "вечноотданных" к фабрикам и заводам. Еще вчера свободные, а теперь низведенные до положения крепостных, работные люди долгое время стремились вернуть себе былую свободу. В 1748 г. вспыхнуло волнение работных людей на парусно-полотняной мануфактуре А.А.Гончарова в Малоярославецком у. Калужской провинции. Они объявили акт 1736 г. незаконным. Во второй четверти XVIII столетия, начиная с 1722 г., почти непрерывно продолжались волнения работных людей на Московском суконном дворе большой суконной мануфактуре. Они боролись уже не за возвращение в былое состояние, а за улучшение условий труда. В 1749 г. около 800 человек бросили работу на мануфактуре. Работные люди в силу той же наивности и "царистских" иллюзий подавали челобития и жалобы в Сенат. Однако все было бесполезно. Жестокими наказаниями плетью, батоном, заключением в тюрьму власти подавили сопротивление восставших. Тем же кончились и волнения на казанской суконной мануфактуре Дряблова, происходившие в конце 30-х — 40-х гг. XVIII в. Тем же кончались и волнения приписных крестьян уральских горных заводов, особенно широко развернувшиеся в конце 50-х — начале 60-х гг. XVIII столетия.

Непременным элементом в разнообразных формах крестьянской борьбы с феодальным гнетом было самозванчество, питавшееся "царистскими" иллюзиями российского крестьянства. Крестьянин как мелкий собственник веками мечтал о равенстве прав на землю и в мифе о "добром царе" видел для себя возможность осуществить эту мечту. В этот период самозванцами часто становились не только крестьяне, но и выходцы из армии. Из шести самозванцев 20—40-х гг. XVIII в. трое были солдатами. В самой армии волнения, а особенно бегство солдат не были редкостью.

Таковы были разнообразные формы борьбы народных масс за лучшую долю. Все они были выражением того безысходного горя, нужды и отчаяния, в котором находилось российское крестьянство.

§ 6. Национальное движение в Башкирии

Тесно переплетается с классовой борьбой против эксплуатации дворян-помещиков борьба против национального угнетения. Наиболее остро в этот период она развернулась в Башкирии. Кроме ста тысяч башкир здесь уже жило много русских, татар, чувашей и представителей других народностей. В частности, в 1744 г. русских здесь насчитывалось уже около 75 тыс. душ. В северной и западной части Башкирии к данному периоду уже сложилось оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. В других же более отсталых районах еще преобладало полукочевое скотоводство. В деревнях башкиры жили зимой, а летом кочевали в пределах своих волостей. Из хлебов сеялись лишь яровые, большое место в хозяйстве занимала охота и рыболовство, домашние промыслы.

С 30-х гг. XVIII в. началось активное горнозаводское строительство на Южном Урале. Это вызвало приток населения из других областей России. В новые формы трудовой деятельности втягивалось и башкирское население, все больше убеждаясь в преимуществах оседлого земледельческого хозяйства. В это время развивается и башкирское феодальное землевладение. Башкирские феодалы, находившиеся на русской службе тарханы, вводят те же формы эксплуатации, что и русские помещики. Вместе с тем у башкир еще бытовало и рабство.

Русская администрация стремилась привлечь на свою сторону феодальную верхушку башкир. Служилые башкиры-тарханы не платили ясак, полностью распоряжались землями своих волостей. Административная верхушка башкирского населения старшины к этому времени стала уже опорой царизма (особенно на севере и западе). С конца XVII — начала XVIII вв. в Башкирии распространяется русское феодальное землевладение с трудом крепостных из русских крестьян. Башкирское население входило в число ясачных людей и платило сравнительно легкий ясачный оклад (около 30 коп. с человека), несло военную службу в армии и на местных оборонительных линиях. С 30-х гг. XVIII в. ясачный оклад начинает расти, и, в конце концов, в 1747 г. русское правительство ввело подушную подать в размере 80 коп. с души. Вместе с тем указ 1736 г., разрешивший продажу общинных башкирских земель, используемых в системе архаичных форм ведения хозяйства, усилил земельные захваты русских дворян и служилых башкир. Наконец, третий фактор, способствовавший назреванию вспышки народного гнева, — активизация строительства оборонительных пограничных линий и крепостей, ложившегося огромной тяжестью на население. В 1734 г. началась деятельность Оренбургской экспедиции во главе с И.К.Кириловым. Помимо изучения экономических возможностей края, ее задачей было

строительство нового города Оренбурга, строительство заводов, заселение края крестьянством, развитие торговли с Казахстаном. В связи с этим значительная часть башкирских земель, используемых в системе архаичных форм ведения хозяйства, была изъята, а повинности населения резко возросли.

В итоге в 1735—1736 гг. вспыхнуло восстание, целью которого было сопротивление строительству крепостей. Оно было разгромлено, а на население наложен большой штраф (от каждого башкира лошадь). В 1737—1740 гг. возникает новый очаг восстания на востоке края. Восставшие нападали на русские, чувашские, марийские селения, совершили набег на Воскресенский медный завод, нападали и на башкир, оставшихся верными правительству России. Восстание уже в 1738 г. пошло на убыль и скоро потухло.

Развитие феодализма в Башкирии вызывало и антифеодальные движения. Известно, например, движение тептярей (зависимых от башкирских феодалов выходцев из других земель), вспыхнувшее в 1747 г. Оно было направлено против башкирских феодалов и усиления налогового обложения государством. В восстании участвовали удмурты, татары, мари и чувашаи.

Наконец, в 1755 г. возникает новое движение, во главе которого встает мусульманское духовенство. Башкиры в качестве культового языка пользовались арабским языком, а их религией был ислам. В связи с попытками запрета мусульманской религии, закрытия мечетей и мусульманских школ нарастало сопротивление духовенства. И вот мулла Батырша (Абдулла Алеев) возглавил движение в защиту мусульманства, пытаясь вовлечь в "священную войну" всех мусульман. Батырша полагался на вмешательство Турции. Характерно, что на "священную войну" народ не пошел. Да и началось само движение независимо и раньше лозунгов Батырши. Руководили восстанием Джилян Иткул и Худайберда. Крупные башкирские феодалы участия не приняли, многие феодалы выступили против восставших. Для подавления движения было послано мощное 50-тысячное войско. Царское правительство объявило наряду с прямым подавлением амнистию всем сдавшимся, и восстание скоро заглохло. Однако царская администрация заметно изменила политику. Прекращена была насильственная христианизация, разрешено строительство мечетей и т.д. Вместе с тем правительство устраивало в Башкирии школы "для обучения инородцев русскому языку". Две школы были при Оренбургской экспедиции, одна в 1739 г. организована в г. Уфе.